

УДК 343.2/7

А.В. КУРАКОВ,
аспирант

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЦАРСКОЙ РОССИИ
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ
(по Уложению "О наказаниях уголовных
и исправительных" 1845 г. и Уголовному Уложению 1903 г.)**

В статье исследуется проблема становления российского уголовного законодательства о преступлениях против правосудия. Показывается преемственность некоторых законодательных решений об ответственности за посягательства на интересы правосудия по законодательству царской России и по современному российскому уголовному законодательству.

Развитие законодательства о преступлениях против правосудия непосредственно связано с определенными историческими эпохами развития российской государственности, формированием национальной правовой культуры и правовой системы государства.

Именно в период разложения крепостнического строя и развития капитализма в России формируется отечественная научная основа современной систематизации преступлений, в том числе развитие учений об объекте преступления и преступности, а преступления против правосудия выделяются в качестве самостоятельного вида преступности [1]. Это выразилось в постепенном переходе от ситуативного регулирования сферы правосудия к созданию, хотя до конца незавершенной, единой системы норм о рассматриваемых посягательствах, а также тенденция увеличения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность должностных лиц, посягающих на интересы правосудия. Само правосудие приобрело значение самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

В 1835 г. было введено в действие Собрание Законов Российской Империи. Нормы уго-

ловного права были систематизированы в книге первой XV тома Собрания Законов [2]. Оно не содержало каких-либо новых на тот момент положений, но знаменательным моментом в истории российского уголовного права стало его разделение на Общую и Особенную части.

В 1845 г. императором Николаем I был утвержден, а в 1846 г. введен в действие новый уголовный кодекс – Уложение "О наказаниях уголовных и исправительных", содержащее 2224 статьи [3].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее в тексте – Уложение 1845 г.) содержало ряд статей о преступлениях, посягающих на интересы правосудия. Однако единой группы преступлений против правосудия в этом законодательном документе выделено не было. Такие нормы в разное время были включены в различные разделы и главы данного Уложения.

Причинение вреда интересам государственного управления и правосудия начало расцениваться как причинение вреда "всему государству" и приобрело значение обстоятельства, универсально отягчающего вину и наказание (ст. 135).

Глава V "О неправосудии" была помещена в разделе V "О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной". Эта глава содержала нормы, предусматривающие ответственность за преступления, совершаемые судьями в сфере отправления правосудия. Установление ответственности судебных работников и иных лиц, которые должны были по роду службы обеспечивать законность и правильность судебных приговоров и решений, стало существенной гарантией охраны прав личности.

В главе IV "О подлогах по службе" раздела V определялись преступления, совершаемые лицами, которые должны были содействовать осуществлению правосудия либо после вынесения судебного решения, как, например, неприведение в надлежащее исполнение вошедших в законную силу судебных решений (ст. 364), либо до вынесения судебного решения (приговора) при осуществлении следственных действий, например, взятие под стражу без установленных правил (ст. 377).

Отдельные преступления против правосудия содержались и в других разделах Уложения 1845 г. Так, статьи 270 и 271 главы I "О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оною властям" раздела IV "О преступлениях и проступках против порядка управления" устанавливала наказание за "сопротивление исполнению судебных определений или иных постановлений и распоряжений властей...". Хотя объективная сторона этих преступлений выражается в насильственных действиях против представителя власти вообще, анализ судебной практики того времени показывает, что эти нормы применялись в защиту лиц, участвующих в отпадении правосудия [4].

В разделе IV также предусматривалась ответственность за взлом тюрем, увод или побег находящихся под стражей или надзором. В рамках норм этого раздела, предусматривающего уголовную ответственность за сопротивление и неповиновение власти, а также за конкретные виды преступлений против власти и ее представителей (ст. ст. 291–293, 301–308 главы II раз-

дела I), и обеспечивались гарантии независимости и безопасности лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование (от специальных уголовно-правовых норм, обеспечивающих интересы этих лиц законодатель отказался [5]). При этом Уложение 1845 г. предусматривало подобную уголовно-правовую защиту не только для должностных лиц, осуществляющих правосудие, но и для других участников судебного разбирательства (потерпевших, свидетелей и др.) [6].

Должностные преступления в сфере правосудия описывались в главе "О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особым родам службы" в первом отделении "О преступлениях и проступках чиновников при следствии и суде".

В разделе III Уложения 1845 г. "О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния" имелась норма об ответственности за лжедонос, лжесвидетельство и ложные показания без присяги. Причем, если ложные показания перед судом были даны, хотя и без присяги, но вследствие подкупа, то виновный наказывается санкциями, предусмотренными нормами о лжеприсяге.

Характерно, что в качестве привилегированного состава лжесвидетельства без присяги рассматривались ложные показания с целью спасти прикосновенное к делу лицо, связанное с виновным узами родства (ст. 944).

Но поскольку Уложение 1845 г. предусматривало ответственность не за ложные показания, а именно за нарушение присяги, то объектом уголовно-правовой охраны выступала религия, а не интересы правосудия [7, с. 8]. Поэтому сама норма о лжеприсяге была помещена в разделе II "О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную восстановлений" в специальной главе V "О лжеприсяге" (ст. ст. 236–240)

Ответственность за посягательства на честь и достоинство лиц, участвующих в отпадении правосудия предусматривалась главой II "Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отпадении должности" раздела IV Уложения 1845 г.

И, как справедливо, отмечал Н.С. Таганцев, оскорбления должностных лиц при отправлении или вследствие отправления ими служебных обязанностей не могли быть рассматриваемы как особый вид преступлений против чести, предусмотренных в шестой главе X раздела "О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц" [7, с. 8].

Можно отметить также нормы, устанавливающие ответственность за взятие под стражу без всяких "достойных причин" или каких-либо полномочий (ч. 2 ст. 377), а также за выемку и обыск при тех же условиях (ч. 2 ст. 378), которые А.Л. Зурначян справедливо относит к нормам, устанавливающим ответственность за незаконное уголовное преследование, указывая, однако, что интересы досудебного следствия законодателем того периода к интересам правосудия как объекту уголовно-правовой охраны не относились [8].

В целом Уложение о наказаниях уголовных и исправительных носило консервативный характер, так как соответствовало периоду, когда отправление правосудия осуществлялось по нормам процессуального права, закрепленным актами Петра I и Екатерины II (в отдельных случаях применялись даже нормы Соборного Уложения 1649 г.). Его положения (даже в редакциях 1857, 1866 и 1885 гг.) компенсировали и зачастую сводили на нет многие буржуазные новации, введенные актами судебной реформы 1864 г. [9], а также последующими законами, содержащими уголовно-правовые нормы – Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Военно-уголовным кодексом 1875 г. и Военно-морским уставом 1886 г. Данное несоответствие духу времени требовало кардинального пересмотра уголовного законодательства.

К концу 1885 г. создается проект нового уголовного закона, который был утвержден императором только в 1903 г. после долгих лет обсуждений в многочисленных комиссиях и инстанциях. В пояснительной записке к проекту Уголовного Уложения указывалось, что данный закон зиждился на основе анализа уголовных кодексов Франции, Бельгии, Нидерландов и др., и с учетом опыта этих государств [10].

Следует отметить, что Уголовному Уложению Российской Империи 1903 г. (далее в тексте – Уложение 1903 г.) не суждено было вступить в силу на территории всей Российской империи. Полностью (37 глав, 687 статей) оно применялось лишь в Латвии, Литве, Эстонии, Польше. На остальной территории России действовали лишь общие положения о преступлениях и наказаниях, статьи о государственных преступлениях, а также нормы о противодействии суду [11; 12]. Некоторые его разделы вводились в действие постепенно в течение ряда лет.

В Уложении 1903 г. впервые появляется самостоятельная система преступлений "О противодействии правосудию" (глава VII, содержащая 22 статьи): лжедонос; лжесвидетельство; подделка или предъявление суду лжедоказательства; лжеприсяга; ложные бесприсяжные показания в собственном деле; недонесение; отказ от предоставления письменного или вещественного доказательства по уголовному делу; укрывательство; сокрытие или погребение мертвого тела до судебно-медицинского осмотра при отсутствии цели скрыть следы преступления; отказ свидетеля, понятого, сведущего лица (эксперта) или переводчика без уважительной причины исполнять свои обязанности в процессе следствия или судебного рассмотрения дела; освобождение лица, находящегося в месте заключения или под стражей; побег из места заключения или из-под стражи; побег с каторги; побег с поселения; самовольное оставление обязательного места жительства или самовольное пребывание в местах, запрещенных для проживания; самовольное пользование правом, которого виновный лишен по приговору суда; нарушение распоряжения суда о невыезде с места жительства или временного пребывания [13, с. 313]. В главу 7 "О противодействии правосудию" была также помещена норма об освобождении от наказания за недонесение и укрывательство, если это касалось преступления, в котором принимал участие сам обвиняемый или члены его семьи, а также если между ним и укрываемым существовали близкие родственные отношения [14, с. 149–153].

Сам факт существования в Уложении 1903 г. сформировавшейся системы преступлений против правосудия может свидетельствовать не только о самостоятельной ценности интересов правосудия как объекта уголовно-правовой охраны, но и об историко-социальной обусловленности уголовной ответственности за данного рода преступные посягательства [15].

Многие преступления, входившие в данную главу и известные современному законодательству, имели особенности, отличающие их от аналогичных действующих в настоящее время уголовно-правовых норм [16]. Так, ответственность за лжедонос была представлена в Уложении 1903 г. двумя статьями. В одной из них шла речь о заведомо ложном заявлении органам власти, от которых зависело возбуждение уголовного преследования, о преступном деянии без указания на лицо, его совершившее (ст. 156). Другая статья посвящалась доносу в тесном смысле слова с заведомо ложным обвинением определенного лица в совершении преступления или служебного проступка с указанием оснований такого обвинения (ст. 157).

Представляется интересной и норма об ответственности за лжесвидетельство как заведомо ложные показания при производстве следствия или суда, даваемые свидетелями, "сведущими лицами", то есть экспертами, переводчиками или при дознании "через окольных людей" (ст. 158).

При работе над Уложением 1903 г. было признано нецелесообразным имевшее место в Уложении 1845 г. различие понятий "лжеприсяга", которая относилась к группе преступлений против веры, и "лжесвидетельство" как преступления против общественного спокойствия и порядка. Понятно, что такое разделение приводило к дублированию одних и тех же положений и не способствовало четкости в понимании формулировок этих составов.

По Уложению 1903 г. было признано ненаказуемым лжесвидетельство лица, имеющего по закону право отказаться от дачи показаний, если на такое право ему не было предварительно указано (ч. 2 ст. 158). По Уставу уголовного судопроизводства теперь от дачи показаний мог от-

казаться и, следовательно, избежать ответственности за лжесвидетельство близкий родственник обвиняемого, если он не был предупрежден о таком его праве и дал показания.

Вопросам ответственности за укрывательство в Уложении 1903 г. посвящались четыре статьи (ст. ст. 166–169). Укрывательство было отделено не только от соучастия в преступлении, но и от пользования плодами преступления, которое относилось к имущественным преступлениям (ст. ст. 616–619).

Уложение 1903 г. различало укрывательство преступного деяния и преступника. При первом виде укрывательства (ст. 166) действия виновного заключаются в повреждении, сокрытии или захвате доказательства по уголовному или гражданскому делу. При этом в законе различаются два случая, когда: 1) поврежденные, сокрытые или захваченные вещи уже приобщены к производству по уголовному или гражданскому делу лицами, производящими расследование, или судом; 2) они остались еще неизвестными органам правосудия.

Второй вид укрывательства (ст. ст. 167 и 169) включал сокрытие и содействие в сокрытии лица, совершившего преступление. Помимо этого Уложением были предусмотрены и особые случаи укрывательства, к которым относились: явка с повинной в преступлении, заведомо совершенном другим лицом; заведомо ложная выдача себя за лицо, обвиняемое в преступлении; отбывание наказания в виде лишения свободы за другое лицо, приговоренное к такому наказанию [14, с. 149–153].

В Уголовном Уложении 1903 г. также были консолидированы нормы об ответственности за уклонение осужденных от отбывания наказания (в ст. ст. 173–176). До этого – в Уложении 1845 г. – ответственность за уклонения от отбывания лишения свободы или ссылки (различного рода побег), а также от уплаты денежного взыскания, устанавливалась весьма разрозненными и многочисленными нормами (количество которых увеличилось в новой редакции Уложения "О наказаниях уголовных и исправительных" в 1885 г.) [17].

Комментируя Уложение 1903 г., Н.С. Таганцев справедливо отмечал, что обязанность про-

тивоедействия преступлениям есть нравственно-гражданская обязанность, наложить ее на каждого означало превращение каждого гражданина в полицейского служителя, карая его за невоспрепятствование как за неисполнение служебных обязанностей [13, с. 313]. Поэтому по Уложению 1903 г. уголовно наказуемым было недонесение только об определенных преступлениях, представляющих повышенную общественную опасность. Субъектами этих преступлений признавались частные лица.

Ответственность за недонесение по Уголовному Уложению 1903 г. предусматривалась несколькими статьями (ст. ст. 162–164). В первой из них речь шла об ответственности за неизвещение без уважительной причины "подлежащей власти или угрожаемого лица" о достоверно известном виновному замышляемом или предпринятом тяжком преступлении при условии возможности предупреждения или прекращения последнего.

Две другие нормы (ст. ст. 163–164) посвящались ответственности за несообщение о достоверно известных определенных видах тяжких преступлений, направленных против Верховной Власти, Священной Особы Императора, Членов Императорского Дома, о государственной измене, а также об участниках этих преступлений.

Случаи недонесения, совершенные должностными лицами, перечислялись в главе о служебных злоупотреблениях (ст. ст. 643–644).

Вообще, следует отметить, что посягающие на интересы правосудия преступления, совершаемые именно должностными лицами, содержались не в главе VII "О противодействии правосудию", а в главе XXXVII "О преступных деяниях по службе государственной и общественной". Такое законодательное решение представляется недостаточно обоснованным, так как объединение всех преступлений, совершаемых служащими, в одном разделе закона не позволяет индивидуализировать их, приводит к тому, что преступления против правосудия теряются в общей массе; не учитывает общественную опасность преступлений, совершаемых разными служащими [18].

Субъектами этих преступлений признавались служащие: виновные в непринятии мер или неучинении действий вопреки служебной обязанности по преследованию преступлений или по приведению в исполнение вошедших в законную силу определений, решений или приговоров суда (ст. 639); обязанные предупреждать и пресекать преступные деяния, виновные в непринятии мер по выполнению этой обязанности, если это повлекло совершение преступления – так называемое служебное попустительство (ст. 643); виновные в недонесении о преступлении (ст. ст. 643–644); исполнительных органов власти (полиция безопасности), обязанных принимать меры к задержанию преступников – специальные случаи укрывательства (ст. 645); виновные в незаконном лишении свободы вследствие незнания своих обязанностей или небрежности – незаконное заключение или продление срока лишения свободы (ст. 649); виновные в незаконном производстве обыска, осмотра или выемки – применение недозволенного законом порядка при производстве следственных действий (ст. 650); виновные в применении недозволенного законом порядка при производстве освидетельствования лица женского пола, оскорбляющего чувство стыдливости (ст. 651); виновные в побеге арестанта вследствие небрежного исполнения своих обязанностей (ст. 652); виновные в вымогательстве показаний обвиняемого, свидетеля или сведущего лица (ст. 676); судьи и иные служащие, уполномоченным законом на решение гражданских или уголовных дел, виновные в постановлении заведомо неправосудного решения (ст. 675); присяжные заседатели, виновные в принятии взятки, разглашении тайны совещания или голосования присяжных заседателей, в неявке по вызову суда для исполнения своих обязанностей, в отказе без уважительных причин исполнять свои обязанности (ст. ст. 659, 677–679).

Таким образом, анализ законодательства об ответственности за преступления, совершаемые в сфере правосудия, действовавшего в Российской Империи во второй половине XIX – начале XX вв., свидетельствует о том, что, несмотря

на значительное внимание, которое законодатель уделял преступлениям против правосудия, единая система этих преступлений образована не была.

Вместе с тем нельзя не отметить, что нормы о преступлениях против правосудия были разработаны законодателем того времени достаточно детально и многие из них актуальны и в настоящее время.

Поэтому не выглядит удивительным тот факт, что при всем своеобразии институтов законодательства царской России в сфере преступлений против правосудия основные его положения стали базовыми для позднесоветского уголовного законодательства в этой сфере [14, с. 153; 19].

Список литературы

1. Денисов С.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2002. – С. 122.
2. История государства и права. – М.: Юрайт-М, 2001. – С. 105.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Российское законодательство X-XX вв. Т. 6. – М., 1996. – С. 194.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, по изданию 1866 г.; под ред. Н.С. Таганцева. – СПб., 1873. – С. 170. Цит. по: Ким В.В. Уголовно-правовое обеспечение независимой и безопасной деятельности по отправлению правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2003. – С. 23.
5. Харисов К.Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законодательства: автореф. ... канд. юрид. наук. – Казань: КГУ, 2004. – С. 16.
6. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование) / Дворянсков И.В., Друзин А.И., Чучаев А.И.; отв. ред. Исаев И.А. – М.: 4-й филиал Воениздата, 2002. – С. 68–80.
7. Блинные В.А., Устинов В.С. Лжесвидетельство: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты / СКИ БУПК. – Ставрополь: Кавказский край, 1999.
8. Зурначян Л.А. Незаконное уголовное преследование (криминологический и уголовно-правовой аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МГЮА, 2005. – С. 25.
9. Иванов А.А. Индивидуализация юридической ответственности. Правовые и психологические аспекты. – М.: Изд-во "Экзамен", 2003. – С. 89.
10. Уголовное Уложение. Проект редакционной комиссии и обновления к нему. – Т. 8. Гл. 35. – СПб., 1897. – С. 77-89, 94-95, 117; Цит. по: Попова Л., Попов Н. Законодательство об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний: исторические и сравнительно-правовые аспекты // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 51.
11. Симонов В. Уголовное Уложение, высочайшее утвержденное 23 марта 1903 г. – Казань, 1908.
12. Арефа Н.И. Уголовное Уложение: (статьи, введенные в действие). Свод законов. – М., 1911.
13. Уголовное уложение от 22 марта 1903 г. Издание Н.С. Таганцева. – СПб., 1904.
14. Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов; под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. – М., 2002. – Т. 5.
15. Коробейников А.А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2003. – С. 19–20.
16. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 17.
17. Демидов О.Г. Уклонение от наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань: Академия права и управления, 2004. – С. 23–24.
18. Идрисов К.Р. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов предварительного расследования и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 20.
19. Голоднюк М. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. – 1996. – № 6. – С. 16.

В редакцию материал поступил 09.06.08.